

Французский маркиз на государевой службе в Томске

За свою почти 400-летнюю историю старинный сибирский город Томск видел многое и многих, в том числе и на посту своего градоначальника. Разные это были люди - и по своим деловым и моральным качествам, и по уровню образованности, и по религиозным убеждениям, и по... происхождению и национальности. Наряду с чиновниками истинно русской крови занимали это высокое место и чужеземцы. Помнит Томск в качестве своего управителя немцев, поляков, итальянца и даже одного «чистокровного француза». Вот о нём и хотелось бы здесь остановиться подробнее. Речь пойдёт о коменданте г. Томска конца XVIII в. Томасе де Вильневе.

За давностью времени и неполнотой архивов местная история сохранила не так уж много сведений об этом человеке. Достоверно известно только, что родился он 21 декабря 1715 г. во Франции в провинции Прованс; по некоторым данным, принадлежал к знатному роду маркизов и служил при дворе французского короля Людовика XV. После 1760 г. перешёл на службу русской короне и был направлен на южносибирскую крепостную линию под командование генерала Киндермана. В чине полковника, коменданта одной из крепостей вышел в отставку и был переведён в Томск с назначением комендантом го-

рода. Умер 2 августа 1794 г. в возрасте 79 лет и был похоронен на старом католическом кладбище за городом на так называемой Шведской горе.

Имя его сохранилось в истории города Томска, главным образом, в связи с известным русским литератором А.Н. Радищевым. Как известно, автор знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву» был отправлен в сибирскую ссылку и по дороге в Илимский острог в августе 1791 г. на несколько дней останавливался (чтобы отдохнуть и «запасть колёсами по причине ужасной, неописуемой дороги») в Томске в доме у местного коменданта Томаса Томасовича де Вильнева.

Вот, собственно, и всё, что мы можем прочесть о де Вильневе в краеведческой литературе. Только благодаря личности широко известного писателя, пробовавшего в Томке проездом считанные дни, до нас дошло и имя его хлебосольного и радушного хозяина.

Неужели этот человек не заслужил своего места в томской истории отдельно от имени своего знаменитого постояльца? Конечно, он имеет на это все основания. Уже хотя бы потому, что пробыл на высшей городской должности более 30 лет.

Одной из причин затенённости фигуры де Вильнева на полотно томской и сибирской истории является малочисленность, туманность и противоречивость сведений о нём. Доре-

волюционный томский историк А.В. Адрианов со ссылкой на воспоминания какого-то древнего старожила утверждал, что комендант умер от того, что перелопачивал пироги с черёмухой... Известный сибирский общественный деятель и историк Н.М. Ядринцев в своих «Письмах о родине» ещё в 1884 г. дал ему же ироничную характеристику «храброго полководца, не выигравшего ни одного сражения». Правда, здесь же он написал, что всё своё детство провёл на могиле «давно умершего коменданта», где получил первые уроки местной истории (усадьба семьи Ядринцевых находилась недалеко от Шведской горы).

Но не вся информация столь курьёзна. Есть сведения и о том, что на посту коменданта города Томас де Вильнев достаточно деятельно проявил себя на ниве народного просвещения, в частности, принимал активное участие в организации и открытии в 1789 г. Томского уездного училища, став его первым попечителем. В 1783 г. по его распоряжению была составлена первая в городе опись храмов и монастырей. От многочисленных своих предшественников и продолжателей на этом посту он отличался либеральными взглядами и добрым нравом.

Сохранилось также и предание о том, что местные православные священники не раз обращались к нему как первому лицу города с просьбой своей властью принудить некоторых не слишком усердных прихожан своих храмов вовремя исповедоваться. Такие обращения православных священников да ещё и к католику говорят о многом.

Жил комендант де Вильнев на Воскресенской горе, в начале Ефремовской улицы (сейчас ул. Бакунина), в двухэтажном доме с мезонином и каменным первым этажом. Его до сих пор именуют «комендантским». Именно в этом здании, частично утраченном после пожара в начале 1990-х гг. и до сих пор не вос-

становленном, и принимал томский комендант ссыльного писателя с его двумя сыновьями и сопровождавшей их верной подругой Е.В. Рубановской.

Есть смысл взглянуть на это хорошо известное событие томской истории с позиций не факта пребывания в городе известного писателя, а характеристики хозяина дома. Думается, что приём опального А.Н. Радищева, вызвавшего гнев самой императрицы, говорит не только о сибирском гостеприимстве, но и о гражданской смелости коменданта. Далеко не каждый высокопоставленный чиновник в то время мог не только на целых две недели дать приют семье монаршего врага, но и оказать ему ряд услуг.

Из воспоминаний сына А.Н. Радищева известно, что во дворе томского коменданта в августе 1789 г. его отец, надо полагать, не без ведома и помощи хозяина дома организовал изготовление и запуск воздушного шара системы братьев Монгольфье. Это событие, впервые случившееся в истории Томска во дворе Томаса де Вильнева, тоже даёт определённое представление о нашем коменданте как о довольно смелом человеке и вольнодумце. Дело в том, что авторами изобретения были братья Жозеф и Этьен Монгольфье, французы и революционеры... Запуск в России их шара в то время высоким начальством рассматривался не как невинная забава или экспериментальные опыты по воздухоплаванию, а как некий намёк на злонамеренные революционные французские идеи. Не думаю, что об этих опасениях властей не знал француз комендант де Вильнев, однако запуск шара он разрешил...

Как уже говорилось, умер Томас де Вильнев в 1794 г. в Томске и здесь же был похоронен. Со временем могила его вместе с кладбищем была утрачена, но сохранилась надгробная плита, судьба которой имеет собственную историю.

Надмогильная плита коменданта
Томаса де Вильнева

Изготовлена она была, судя по всему, в Томске и представляла собою массивный чугунный прямоугольник размером 1,82 м длиной и 0,68 м шириной с рельефно отлитыми эпитафией и символами. Надпись была выполнена в 14 строк. Вот её полный текст (с сохранением орфографии и пунктуации):

Во имя отца и сына и святого духа
аминь

На месте семъ погребено тело
Французской нации Урожденца провинции провансъ римско католического закона полковника областного города томска коменданта и ордена святого равноапостольного князя владимира кавалера **ТОМАСА** томасова сына девиленева, которой родился 1715 декабря 21 окончилъ жизнь 1794 года августа, въ. 2. день въ среду.

Верх плиты венчает «всевидающее око Господне», переданное в виде равнобедренного заштрихованного треугольника в обрамлении шестиконечной звезд-

ды. Последняя составлена разноразмерными лучами, как бы исходящими из центрального треугольника. А в нижней части изображён символ смерти — череп над двумя перекрещенными костями.

Первым озаботился судьбой этой плиты на разрушенном католическом кладбище Шведской горки примерно в середине XIX в. курат томского костёла Валериан Громадский. Он перенёс её к храму и этим спас мемориальный и исторический памятник от уничтожения, так как комендантову плиту с единственной уцелевшей на «горке» могилы неоднократно уносили «практические обыватели» для хозяйственных нужд. Немного позже А.В. Адрианов видел её «уложенной у входной площадки в костёл между каменными плитами».

Во второй раз реликвия была спасена и перевезена в Томский краеведческий музей кем-то из

Дом коменданта Томаса де Вильнева
в Томске (ул. Бакунина, 26)

сотрудников после закрытия костёла в 1938 г. Обстоятельства этого дела изложены в материалах краеведа 1950 - 1960-х гг., учителя истории одной из томских школ Н.В. Татаурова. В своей дневниковой записи за 10 августа 1952 г. он отметил, по его выражению, «анекдотичный» случай. Накануне вместе со своими учениками он занимался обследованием Воскресенской горы и зашёл во двор костёла, занятый в то время аэроклубом. В ограде возле звонницы экскурсанты увидели несколько постаментов для надгробных плит, сами же плиты лежали у входа в аэроклуб, выполняя «функцию половичков для очистки ног от грязи».

Среди них краевед нашёл и знакомую ему плиту с могилы коменданта де Вильнева. Тут же ученикам была прочитана лекция о знакомстве коменданта с опальным писателем Радищевым, об их совместном запуске в Томске воздушного шара - первого в Сибири, об уникальности самой плиты,

изготовленной на одном из первых металлургических заводов Томска. Как отметил Н.В. Татауров, его ученики были изумлены: выходило, что томские авиа-моделисты вытирали ноги об эпитафию первому «авиа-моделисту Сибири». Затем последовал, по просьбе учеников, такой же эмоциональный рассказ о славном коменданте уже приглашённому директору аэроклуба и предложение смущённому начальнику поставить надгробный памятник в аэроклубе на самое почётное место. На следующий день краевед увидел, что плиту очистили от грязи и поставили у стены. А вскоре, с подачи всё того же Н.В. Татаурова, надгробный памятник коменданта увезли к себе сотрудники краеведческого музея.

В музее плита коменданта долго кочевала из подвала во двор и обратно. Как вспоминает В.Д. Славнин в своей книге «Томск сокровенный», «в 1962 г. тогдашний начальник областного управления культуры П.Ф. Ерёмин распорядился, было, свезти непонятную железяку в утиль, но, получив разъяснение о связи имён де Вильнёва и Ра-

дищева, разрешил оставить её на месте».

В настоящее время эта плита находится в подвале Томского краеведческого музея, по-прежнему без должного внимания и места, по сути, являясь единственным напоминанием о некогда жившем в сибирском городе Томске коменданте, уроженце далёкой французской земли Прованс...

В.А. Ханевич

НЕОБХОДИМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

В заключительном абзаце, как и в вышедшем ранее «Томске сокровенным» В.Д. Славнина, содержится скрытый упрёк в невнимательном отношении Томского краеведческого музея к спасённой им же в своё время надгробной плите коменданта Томаса де Вильнева. Однако проблема глубже, чем она представляется уважаемым краеведам. Бесспорно, эта плита может претендовать на статус исторического и мемориального памятника. Но всё-таки достаточно специфического, чтобы быть безоговорочно включённым в число музейных предметов.

На Западе не случайно существуют понятия «кладбищенское искусство», «кладбищенская культура» и т.д. - они отражают существующие реа-